

«Основной посыл греческой религии — не высовывайся»

02 января 2013

Алексей Белоусов

Филолог-классик, кандидат филологических наук,
автор журнала «Аристей. Классическая филология и античная история»

А. Т.

Вы много занимались исследованием культа Ахилла, выходящего далеко за литературные рамки, но ведь были и другие герои?

А. Б.

Безусловно. Судя по всему, во времена Гомера существовал культ всех тех героев, которые упоминаются в его произведениях. Существует известная статья Хильдебрехта Хоммеля, которая так и называется – «Ахилл – бог», где автор пытается проследить историю культа Ахилла до праархаических времен. И он приходит к выводу, что Ахилл изначально был богом. Видимо, большая часть известных нам героев обладала божественным статусом изначально. Здесь есть еще одна проблема – мы не знаем, что такое герои. Мы не знаем, что вообще это значит. Слово "hērōs" (ἥρως) с греческого языка переводится как «покойник». Самая популярная теория, которая и преподается в школах, утверждает, что герои являются полубогами – потомками богов и людей. Однако это мало что объясняет. Филострат пишет, что Ахиллу в Ольвии, в Северном Причерноморье и на мысе Сигей воздавались не только в узком смысле "геройские", но и божественные почести.

А. Т.

Однако же Ахилл не вошел в пантеон, и его культ не превратился в общественный?

А. Б.

Вопрос о греческих пантеонах – один из самых сложных. Мы не можем говорить о некоем «греческом» пантеоне, но лишь о множестве различных пантеонов в зависимости от региона. Например, в Ольвии римского времени Ахилл, безусловно, входил в пантеон и был здесь одним из главных божеств, так как посвящения ему делались от лица архонтов города – значит, его культ был официальным. Возможно даже, что Ахилл был неким хранителем, защитником Ольвии – мы находим свидетельства совершения культа по всем границам Ольвийской хоры (χώρα, аграрная область вокруг полиса). Возьмем, например, 36-ю речь Диона Хрисостома, сюжетной рамкой которой является рассказ о жителях Ольвии, о постоянном давлении на этот греческий город со стороны варваров. Ахилл мог быть тем, кто отражал реальную варварскую угрозу, а во-вторых, тем, кто в определенном смысле охранял греческую идентичность жителей римской Ольвии. Сами же ольвиополиты, по свидетельствам Диона, уже даже имели свой особый вариант греческого языка: «они не ясно разговаривают по-гречески».

А. Т.

Если мы говорим, что в разных регионах были разные пантеоны, то возникает вопрос, когда во всех них появился Зевс как главное божество?

А. Б.

Я не знаю, можно ли с точностью сказать, когда это произошло. Реальное исследование истории древнегреческой религии началось только в 1980-х годах – до этого был период собирания материала. То усредненное представление о Древней Греции, которое у нас есть, с одной стороны, создано литературной

традицией, а с другой – мы еще и находимся под воздействием рецепций этой традиции в европейской культуре. В нашем сознании постоянно наслаиваются тысячи временных рецепций, в зависимости от того, в каком круге мы воспитываемся. Я вырос в Советском Союзе, и в моем представлении о Древней Греции Зевс стоит во главе пантеона. Тем не менее в Древнем Риме, когда уже сложились общие для всей Греции правила исполнения культа, в каждом полисе, по сути, оставалась своя религия и своя религиозная система.

Зевс стал восприниматься как глава пантеона после широкого распространения «Илиады» Гомера, которая оказала очень мощный объединяющий эффект. При этом все равно в большинстве полисов Зевс был неким «отдыхающим божеством». Такое существо, которое является царем, но при этом одновременно находится на пенсии. Официально Зевс являлся главным богом, но при совершении культа главенство было у других богов, в зависимости от полиса. Скажем, в пантеоне Афинского полиса первое место занимала Афина.

А. Т.

Есть ли какая-то связь между выдвиганием Зевса на первый план в пантеоне и необходимостью объединить полисы под эгидой тех же Афин? Ведь наличие единого пантеона богов предполагает сильную общность, и так как ни о каком равноправном объединении речи быть не могло, то возникали отношения подчинения одного полиса другому.

А. Б.

Единый пантеон, по сути, никак и не распространялся. Греческий мир расширялся самыми разными способами. Первым шагом по пути к расширению явилась великая греческая колонизация, культовым лидером которой был Аполлон, именно его оракулы указывали направление для переселений. В ранней истории Греции мы вообще имеем дело с верховенством культа Аполлона, а не Зевса. Вообще, религия в том эллинском мире не была институционализирована, она была погружена в социальные отношения. Карл Поланьи в своей книге «Великая Трансформация» говорил об «embeddedness» экономических отношений в раннюю эпоху развития общества. Мы же сейчас говорим об «embeddedness» религиозной жизни, то есть о состоянии погруженности религии в социальные отношения. То есть греческая, римская, египетская, а ранее и шумерская религии представляли собой религии, расплавленные в социальных отношениях наподобие растительного масла в жареной картошке или золотой нити в персидском ковре. С одной стороны, эта нить ничтожно мала, а с другой – если ее вынуть, ковер уже станет не тем.

А. Т.

Как греческая религия впитывала в себя что-то локальное? И как вообще в таких случаях сосуществовали две культуры, вытесняла ли греческая религия местные верования?

А. Б.

Нужно разбирать каждый отдельный случай. Но, безусловно, мы можем говорить, что греки никогда не заменяли свою религию местной. Они все же оставались греками. Геродот, описывая общее среди греков, замечает, что это кровь и культы. Общегреческие святилища существовали с самого начала. Это Дельфы, Дидимы и другие. Греки, принимая в свою религиозность влияние определенной семантики местных божеств, фактически не перенимали при этом варварских теонимов. Они даже варварских богов называли греческими именами, это так называемая «interpretatio graeca». Геродот, перечисляя скифских божеств, называет их греческими именами. Посмотрите на имена греков Ольвии, почитателей Ахилла, – они на 70 процентов иранского происхождения, что служит свидетельством довольно раннего слияния греческой знати Ольвии со знатью местных племен, главным образом сарматских. И наверняка в культе Ахилла были определенные элементы сарматского толка, но мы не можем никак их вычленить. А вот когда на надписях из Ольвии поименно перечисляются архонты, участвовавшие в посвящениях Ахиллу Понтарху, то иногда там не найти ни одного греческого имени: Мудраг, Парнуг и другие такого рода. При этом с точностью можно говорить, что обладатели этих имен чувствовали себя настоящими греками.

А. Т.

По сути, это и есть культурная экспансия. Местные даже не осознавали, что их религия вытеснена. Значит, можно говорить, что греки вытесняли местную культуру.

А. Б.

Это, видимо, так, но мы не можем говорить, что это было сознательной практикой греков. Это такая пассивная экспансия. Есть распространенный предрассудок, будто иудеи Римской империи стремились к прозелитизму, что они несли миссию иудейской веры в языческое окружение. Но это не подтверждается источниками. Более того, можно сказать, что иудейская религия вообще не прозелитическая по своему существу. Сама идея миссии - это христианская идея. Хотя те общества, в которых появлялись иудеи, испытывали их влияние. Я бы объяснил это не экспансией, а свойством более высокоразвитых культур влиять на менее развитые.

А. Т.

Отличались ли обряды и ритуалы образованных и необразованных греков? Так как жрецы были государственными служащими, задачей которых было следить за исполнением общих культов, то понятно, что им должны были следовать все греки. Но нам известно и о различных наедах, духах рек и вообще водных источников, о дриадах, духах деревьев - им тоже поклонялись все греки независимо от своего социального статуса и уровня образования?

А. Б.

Мы тут касаемся тонкого вопроса разделения религий. Была государственная религия, общая для всех, но была и религия частная. Эти понятия трудно определить относительно такого мира, где религия растворена в обществе. Говорить о разнице в совершении религиозных обрядов образованного грека или необразованного мы вообще не можем. Единственное, мы можем говорить о различиях в вопросах морали. Греческая религия не носила морального оттенка, и у нее не было догматики. Те вопросы, ответы на которые в христианстве давало догматическое богословие, в греческой культуре давала философия. Ответы на эти вопросы искали, как правило, образованные люди. Поэтому у историков религии и историков философии часто возникают трудности, когда они пытаются обнаружить некое религиозное учение у Платона или Плотина. В профессиональной среде известен давний спор, заново вспыхнувший после выхода монографии о языческом монотеизме Атанасиади и Фреде (прим. - сборник под редакцией Р. Athanassiadi и М. Frede) и после вышедшей недавно под редакцией Стивена Митчелла книги «Один бог», о том, существовал ли языческий монотеизм. В римское время мы, безусловно, наблюдаем определенные монотеистические тенденции. Их можно проследить уже у Платона и Аристотеля с их «Единым». Мы знаем, что на греческих православных храмах до сих пор часто изображаются при входе Платон и Аристотель как философы, пришедшие к идее единого бога. Но говорить о некоем языческом монотеизме ошибочно. Невозможно употреблять религиозное понятие «монотеизм» к сфере философии. Такую ошибку допускает даже Фреде. Мы не можем приписывать это к истории религии, так как речь идет все же о философии. Историю религии в Древней Греции мы можем изучать по культам, каждый раз опираясь на региональные особенности. И если мы где и найдем предпосылки к монотеизму, то не в пантеонах греческих богов, а в так называемых диаспоральных культах. Раньше они назывались «восточными мистериальными культами», что теперь пишется всегда в кавычках. Эти культы везде одинаковы. Будь это Ольвия или Германия. К ним относятся культ Митры, культ Юпитера Долихена, культ Сирийской богини и другие. Эти культы везде выглядят одинаково, поэтому их называют диаспоральными. Один культ в «рассеянии».

А. Т.

Вот цитата из платоновского диалога «Федон»: «сошедший в Аид непосвященным будет лежать в грязи, а очистившиеся и принявшие посвящение, отойдя в Аид, поселятся среди богов». В этом отрывке речь идет об Элевсинских мистериях. Платон у нас воспринимается как великий мыслитель. Неужели он не подвергал сомнению эту часть эллинской культуры?

А. Б.

Источники на это не указывают. Для Платона как для афинянина быть посвященным в Элевсинские мистерии означало лучшую участь в другом мире. Кроме того, важно учесть, что в нашем понимании и Бог, и другой мир трансцендентны, они находятся за пределами. У них же все находится в пределах, боги имплицитны, они включены в этот мир и живут здесь. Вне этого мира нет ничего. Тот же Аид находится где-то здесь, неподалеку. Мы знаем огромное количество описаний месторасположения Аида. Религия была некоей совокупностью правил, регулирующих отношения с богами. В римской религии они даже называются юридическими. В Греции было то же самое. Есть важное понятие «hybris» (ὑβρις), означающее некое надменное поведение. Как только человек замечен в проявлении hybris, он рискует навлечь на себя ревность богов. Сам же hybris случается от koros, "пресыщенности". Hybris выделяет тебя из массы людей и демонстрирует богам, причем не с лучшей

стороны. Таким образом, основной посыл греческой религии - не высывайся. Как шутят на питерской кафедре классической филологии – «non est выпирандум». Как только тебя становится видно, тебя ждет с большой вероятностью что-то нехорошее: боги лишат тебя разума или что-то в этом духе. Кроме того, *hybris* был частью социальных отношений – он квалифицировался как уголовное преступление и карался смертью. В быту человек совершал *hybris*, когда создавал ситуацию, в которой другой человек чувствовал себя ниже его, причем это унижение не обязательно происходит намеренно. Таким образом, *hybris* одновременно является и социальным, и религиозным преступлением, это очень интересно.

Отношения с богами выстраиваются по аналогии с общественными, они так же структурированы и регулируются. Боги живут в нашем мире. Мы точно про них знаем, что они выше ростом и у них светятся глаза. Это те приметы, по которым грек мог отличить бога, если вдруг встретит. У христиан же Бог заперделен, и отношения с ним именно поэтому выстраиваются иначе. В христианской религии речь идет о спасении онтологического характера, вообще о радикальном спасении. Не спасении от шторма или смерти в битве, а спасении таком, при котором ты сам становишься небожителем. Христианское отношение к Богу с личным к нему обращением, скрытым от других глаз, совершенно резонно с точки зрения того времени вызывало обвинения в суеверии. Всегдашняя память о Боге у христиан тоже воспринималась как суеверие. Сама идея о том, что бог все время за тобой наблюдает, воспринималась греками как разновидность психоза. С точки зрения античного человека, если ты завязал нормальные отношения с богами, тебе ничего не угрожает.

А. Т.

А нормальные отношения выстраивались регулярными жертвоприношениями?

А. Б.

В целом да. Существовали какие-то различия в зависимости от места, но были и общие вещи. Скажем, понятие «ритуальной чистоты». Понятие «нравственной чистоты» классическая греческая культура не знала: грубо говоря, можно было смотреть всю ночь порнографию, а утром пойти причаститься Элевсинских мистерий. Нельзя было участвовать в Элевсинских мистериях, только если у тебя дома покойник. Это касается ритуальной чистоты – нельзя было иметь связи, соприкосновения со смертью.

А. Т.

Как религия проявлялась в повседневности?

А. Б.

У греков даже не было слова, аналогичного слову «религия». Они пользовались термином «*Eusebeia*» (εὐσέβεια), что значит благочестие. Значение корня *seb условно можно передать как «пятиться в страхе перед богами». Основное чувство по отношению к богам – это страх. При этом слово «*eusebeia*» могло употребляться в разных контекстах (даже как почтение к родителям). А глагол «*aphrodisiazō*» означает "заниматься любовью", то есть деятельностью Афродиты. В любую видимую деятельность человека неизменно вплетена религиозная нить, даже если это внешне и не выглядит как культ. По сути, атеизм в таком обществе невозможен. Атеизм существует только в тех религиях, где бог находится за миром. В повседневной общественной жизни происходило то же самое. Перед каждым ежедневным народным собранием место для его проведения ороплялось по кругу кровью поросенка.

А. Т.

Была ли какая-то почва для принятия христианства?

А. Б.

Да, это самый интересный вопрос. Нужно всегда помнить, что античное мировоззрение исторично и что оно развивается. Скорее всего, христианство было заключительным этапом его развития, неким его синтезом. Я думаю, принятие христианства готовилось всей историей античного мира. Начало это развиваться в эпоху эллинизма. Тогда родился частный человек. Если в классической Греции частные люди считались, мягко говоря, ненадежными, их называли *idiotai*, то эпоха эллинизма является торжеством "идиота". В эту эпоху греческие государства теряют свою внешнюю независимость, а частный человек обретает самого себя. Такое разрастание частной религиозности было одним из первых шагов к религии трансцендентного Бога. В эпоху

эллинизма мы наблюдаем сильное влияние восточных стран. Римская же эпоха еще больше восславилась отдельного человека. Кроме того, в римскую эпоху возникло стремление к тому, чтобы твой бог считался самым лучшим - даже, может быть, здесь больше подходит слово «крутым». И именно это явление сегодня находится в центре дискуссии о языческом монотеизме. Но я считаю, что говорить о монотеизме неправильно. Правильнее говорить о генотеизме, когда много богов, но один главный. Можно сравнить его с большой матрешкой, в которую помещаются все остальные. Но понятие «генотеизм» не затрагивает важного социологического момента, а именно – того самого стремления быть самым лучшим, поклоняться самому «крутому» богу и считать свою религиозную практику идеальной. При этом важно понимать, что в это время происходит соревнование всех греческих полисов – они соревнуются между собой, но на глазах у Рима, от которого они ждут дотаций и налоговых послажек. Есть другой термин, предложенный Ангелосом Ханиотисом, на мой взгляд, более подходящий. Этот термин называется «мегаеизм». Он как раз хорошо описывает тенденцию, когда один бог считается предпочтительнее всех прочих. Это хорошо схватывает социологические аспекты этой борьбы.

В это же время меняется и философия. Философ становится подобием жреца. Фигура умозерцателя отождествляется фигурой священнодействителя. Платонизм в это время движется в сторону теургии. Философия срастается с магией, и магии вообще предписывается куда более важная роль. Если раньше она была скорее практическим средством, теперь же превратилась в путь к вечной жизни. В Большом парижском магическом папирусе сохранился текст, описывающий ритуал превращения себя в бессмертного. Отношения с богами тоже меняются. Здесь важно сказать о поп-философии эпохи, которой был герметизм. Даже язык текстов герметического корпуса похож на язык более ранних греческих магических папирусов. Мы можем говорить, что поп-философия – это та зона, где философия срослась с религией. Религия становится философией. Это можно рассматривать как шаг к христианству.

А. Т.

Какие это века?

А. Б.

II-IV века н.э.

А. Т.

При переходе к христианству само понятие сущности человека в этом мире радикально меняется. В чем состояли ключевые отличия?

А. Б.

В то время вообще мало интересовались человеком, и мы не можем ответить на этот вопрос точно. Не хочется впадать в непрофессиональное философствование, я могу лишь еще раз обобщить причины победы христианства. Во-первых, это торжество частного человека. Во-вторых, поиск самого великого божества. А само сознание, мне кажется, менялось уже внутри христианства. Еще как причину я бы добавил возрастающий скепсис в отношении общественной религии. Есть известный эпизод из жизни Плотина - один из учеников (кажется, Амелий) зовет его совершить в храме жертвоприношение, на что Плотин отвечает: «Пусть боги сами приходят ко мне». Это уже можно считать симптомом изменившегося сознания. С одной стороны, это предвестник неоплатонической теургии, а с другой стороны это можно считать симптомом изменений в сознании эллинов вообще. Человек начинает себя чувствовать «одиноким», он вырывается из полисного тела. Это позволяет помыслить собственное «я» как субъект, способный завязать отношения с божеством. Это был процесс обновления, и раннехристианские отцы как раз и писали о полном подчинении себя этой новизне.

А. Т.

Как было в этот момент устроено общество? Полис уже исчез?

А. Б.

Полис продолжал существовать как форма общественного устройства, но, возможно, умер как модель сознания. В этот момент обрывается связка между «я» и общественным организмом, что заметно по олигархическому устройству греческих полисов этого периода. Судя по надписям, в их верхушке присутствовали одни и те же

люди. Внешняя сторона полисной жизни продолжает сохраняться, можно говорить о некоей инерции, которая в результате и приведет к трансформации полисов в то, что стали называть христианскими городами.

© 2017 The Prime Russian Magazine

PRM